

сан стилизованный цветок, а венчик украшен круглыми пятнами.

Весьма интересны обломки блюда с люстровой росписью (табл. II, 9). Оно датируется IX веком и встречается в Дание впервые. Артур Лейн в одной своей статье, посвященной раскопкам Антиохии, указывает, что в IX веке в Самарре при дворе имелись ремесленные мастерские, производившие люстровую керамику¹². После падения Самарры мастера обосновались в Египте. Классические образцы люстровой керамики вновь появляются на Ближнем Востоке в XII веке, наряду с широким применением оловянной глазури. Даниский образец относится к ранним видам люстровой росписи и представляет большой интерес. Люстровые сосуды подобной орнаментации встречаются в предместье Аль-Мина в Антиохии¹³ и датируются IX—X веками.

Исключительно богато представлена коллекция стеклянных изделий. В слое указанного помещения обнаружены фрагменты различных видов стеклянных сосудов: тонкостенные флаконы, чаши, граненные флаконы, гравированные стаканы, шлифованные чаши с круглыми и овальными фальцетками и т. д. Весь материал датируется VIII—IX веками. Найден также обломок мозаичного стекла более раннего происхождения.

Стеклянные изделия, найденные в больших ямах, датируются IX веком и имеют некоторые особенности. Более 70 процентов указанных изделий представлены чашами различных размеров. Большое скопление однородных чаш вблизи кафедрального собора наводит на мысль, что они

¹² См. Arthur Lane, Medieval Finds at Al Mina in North Syria, „Archaeologia“ стр. 29.

¹³ См. там же, табл. XVI, I.

могли употребляться как чаши-лампады для люстр кафедрального собора¹⁴. При этом выделяется группа сосудов, имеющих маленькие ушки для вешивания на цепочках люстр. Плоскостенные чаши-лампады с широкими бортами различных размеров имели на люстре соответствующие места. Они вешивались или ставились в корзиночки. Богатая орнаментация лампад и многообразие цветовых гамм предназначались для светлого эффекта и величия (табл. II, 4, 6, 7, 8).

Люстры широко были распространены в средневековой Армении. Существовало даже отдельное ремесло по этому виду¹⁵. Во время раскопок храма Гагика в Ани была обнаружена люстра с 114 лампадами, датируемая началом XI века¹⁶. На реконструкции этой люстры, сделанной художником Полторацким, четко изображены различные виды разноцветных лампадок.

Раскопки Центрального квартала проводились в течение двух последних лет, дали весьма ценный и хорошо датированный археологический материал, расширяющий наши знания о ремесленном производстве мезолученного периода средневековой Армении. Всестороннее изучение указанного материала, таким образом, позволяет выяснить некоторые особенности материальной культуры Армян, показать преемственность традиций в ремесленном производстве IV—VIII вв., а также проследить экономические и культурные связи Армении с центрами Ближнего Востока, в частности с Самаррой.

А. КАЛАНТАРЯН

¹⁴ Устное сообщение Р. М. Джавишвили.

¹⁵ См. Р. В. Циприани, ук. соч., стр. 163—165.

¹⁶ См. Н. Я. Марр, Ани—Ереван, 1939, стр. 118—119.

ПОГРЕБЕНИЕ № 14 АСТХИБЛУРСКОГО МОГИЛЬНИКА

В июне 1966 г. нами были начаты раскопки погребений в местности Астхи-блур. Могильник находится на северо-восточной окраине села Енокаван Иджеванского района, на обширном плато, западная сторона которой резко обрывается. На части обрыва находится одноименная мощная цик-

лопическая крепость, обнесенная со стороны обрыва двумя рядами, а со стороны плато—тремя рядами стен.

Раскопками открыто двадцать пять погребений, относящихся к X, VIII, и VI—V вв. до н. э. В погребениях VIII века обнаружены бронзовые пояса, железное ору-

жне и ножи. Найдено также много глиняных сосудов новых форм. Интересен расписной кувшин и другая бытовая посуда, являющаяся новинкой для истории материальной культуры указанного времени, а также много украшений. Часть погребений относится к малоизученному периоду VI—V вв. и содержит ценный материал.

Кроме раскопок погребений, были произведены разведочные раскопки в крепости. С этой целью на самой ее высокой части был заложен шурф, частично раскрывший прямоугольное помещение, содержащее два слоя. Первый слой относится к VI—V вв. до н. э. Второй, незначительный слой относится к VIII веку до н. э. В слоях, относящихся к VI—V вв., найдена глиняная модель двухэтажного здания с двускатной крышей, множество сосудов в виде птиц, небольших алтарей, жертвенников, а также предметов вооружения и украшений¹.

ка на запад с небольшим отклонением к северу. Вдоль западной стены были выставлены керамические изделия и кости крупного и мелкого рогатого скота, у северной стены были положены железное втучатое копье, железный нож и кинжал севанского типа. У южной стены два бронзовых браслета и большое количество мелких пастовых бус. Скелет не сохранился, за исключением мелких кусков тазовых и берцовых костей и зубов. Судя по малым размерам погребения и расположению браслетов, можно предположить, что покойник лежал в сильно скорченном состоянии, лицом обращенным на юг.

Инвентарь. 1. Крупный черный двуручный кувшин с высоким вытянутым туловом, с короткой шейкой и слегка округлым венчиком. Под шейкой проходят две рельефные линии, вдоль центра тулова пять вдавленных линий (табл. 1, рис. 1). Руч-

Табл. 1

Погребение № 14, расположенное почти в центре могильника, имело в плане почти прямоугольную форму (120 см X 110 см). Стены были выложены из мелких известковых блоков и перекрыты двумя такими же плитами. Погребение направлено с восто-

ки расположены в центре тулова. 2. Одно-ручный красноватый кувшинчик с округлым туловом, высокой шейкой (венчик отбит). Шейка и тулово украшены рельефными линиями, внутреннее пространство которых заполнено косыми вертикальными штрихами (табл. 1, рис. 2). 3. Две одно-ручные кружки с округлым и бикониче-

¹ Материал подготавливается к печати.

ским туловом, последний из которых покрыт вертикальными штрихами (табл. I, рис. 3, 6). 4. Небольшой кувшинчик со вздутым туловом, чуть заметной шейкой с сильно отогнутым венчиком (табл. I, рис. 4). 5. Небольшая чаша грубой ручной лепки с расширяющимся туловом со срезанным венчиком (табл. I, рис. 5).

Украшения. 1. Два бронзовых браслета с расходящимися концами, поверхность одного из них украшена насечками (табл. I, рис. 7—8). 2. Большое количество мелких пастовых (голубых, белых и серых) бус и одна крупная шаровидная сердоликовая бусина светло-розового цвета с двухсторонним сверлением.

Предметы вооружения и орудия представлены одним железным кинжалом (со сломанным лезвием) с бронзовыми обоймами и колоколовидным навершием (табл. I, рис. 9), железным копьем с ромбовидным наконечником и расширяющейся втулкой с широкой вертикальной прорезью (табл. I, рис. 10) и кривым железным ножом (табл. I, рис. 11).

Уникальной находкой является крупный пояс, изготовленный из кованого бронзового листа (размером 90 см × 15 см). Внешняя сторона пояса сплошь покрыта гравированным изображением сцены охоты и астральных знаков (табл. II). С внутренней стороны пояс был пришит к кожаной основе. Небольшой кусок кожи, найденный вместе с поясом, был передан нами для определения начальнику Центральной лаборатории кожевенного производственного объединения им. С. Шаумяна К. А. Григоряну, согласно определению которого кожа принадлежит теленку. Обработка кожи была произведена солеванием, но присутствие железа доказывает последующее дубление железным дубителем. Судя по строению волокон кожи, возможно, было произведено еще и дополнительное растительное дубление, однако последнее остается предположением, т. к. тониды не сохранились. Изображения на поясе следующие: борта украшены небольшим бордюром из взаимно перекрещивающихся черточек и окаймляют двойной ряд орнамента «бегущей спирали», проходящей вдоль всего пояса. Внутреннее пространство заполнено композиционной сценой, разделенной на две части посредством креста. В левой стороне изображен всадник с за-

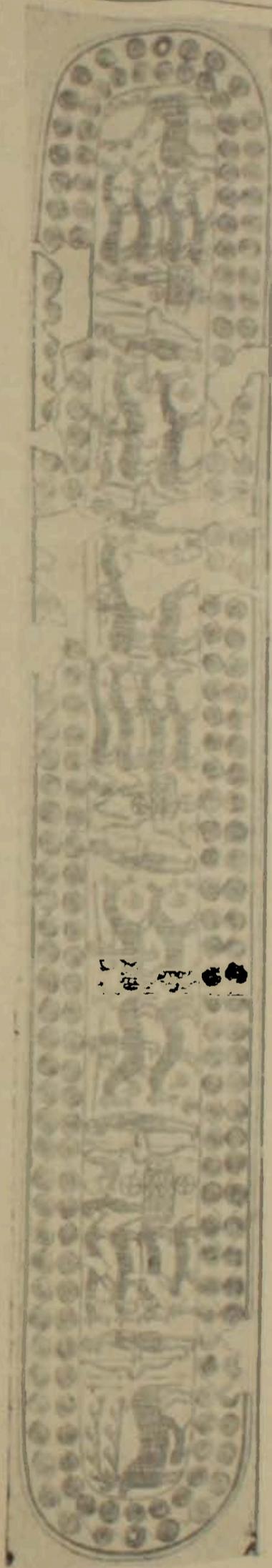

Табл. II

пасным конем (у коней на поясе вытянутые тулова с заостренной мордой) с приподнятым для метания копьем. Перед всадником стоит мужская фигура с четко подчеркнутыми фаллическими атрибутами— символом мужской власти, плодородия и рожества². На голове у него (как и у всех лучников) зубчатый шлем³, в руках крупный изогнутый лук с приставленной к тетиве стрелой. Впереди лучника находится колесница, запряженная четырьмя лошадьми под ярмом. Кузов колесницы открыт сзади и на ней стоит женская фигура со щитом, украшенным изображением креста в левой руке и плетевидным предметом в правой. Подобный предмет имеется в руке колесничего, изображенного на кувшине из Дилижана⁴. Перед колесницей стоит совершенно аналогичная фигура лучника, также с приставленной стрелой к тетиве. Сюжет замыкает фигура оленя с ветвистыми рогами и сосущим сосунком. В правой стороне повторяется та же сюжетная картина с тем, однако, отличием, что здесь изображены три ряда всадников, две колесницы с колесничими и три лучника, взаимно чередующиеся между собой. Кроме того, у двух лучников тетива опущена и одна стрела вонзена в спину оленя. Здесь уместно сказать, что стрелы лучников на изображении левой стороны падают перед ними, не долетая до цели, в то время как на правой стороне

они поражают цель—оленя. По всей вероятности, самка оленя с сосунком не поражается стрелами с целью предотвращения гибели молодняка для дальнейшего воспроизводства. Эта несколько лирическая картина охоты, как видно из изображений, наряду с охотничьим сюжетом, имеет культовый характер. На композиции явно видны три начала. Первое—это фигуры охотников-лучников, которых сопровождают всадники с запасными конями, но т. к. последние лишены фаллических знаков, можно предположить, что они всадницы—жены—и также принимают участие в охоте, о чем свидетельствуют высокоприподнятые в руках копья. В этой же композиции участвуют еще три женщины, стоящие на кузовах колесниц (у одной в руках щит) с плетевидными предметами на руках. По всей вероятности, они являются жрицами или богинями, благословляющими охоту. Характерно, что именно женское начало приносит это благословение для одного ряда и препятствует второму. Интересно, что от щита жрицы или богини с левой стороны на лучника налетает птица с растопыренными лапами, приподнятым клювом и размахивающими крыльями, в то время как аналогичная птица на втором ряде изображена в тихом полете над крупом лошади. Все фигуры, как мужские, так и женские, имеют поразительное сходство с изображениями на поясах из Севана, Ахталы. Муснери и общие орнаментальные мотивы с поясами из Закавказья и Кобани, относящиеся к VIII—VI вв. до н. э. Единственным отличием является то, что на указанных поясах фигуры выступают в птичьих масках, в то время как на нашем поясе они выступают в львиных масках, аналогичных маскам на триалетском кубке и на хеттских рельефах⁵.

Анализ композиции и орнаментальных мотивов показывает, что описанная сцена имеет ярко выраженный ритуальный характер, связанный с культом солнца и плодородия, издревле распространенного повсеместно и являющегося одним из основ верований ряда стран. Как сказано выше, пояс опоясан двойным рядом орнамента

² См. Զ. Զ. Մ ն ա ց ա կ ա ն յ ա ն, Արևապատմության հետքերը Հայաստանում, Հայաստանի պետական պատմական թանգարանի «Աշխատություններ», т. I. Ереван, 1948, стр. 69 и сл.; Զ. Ռ. Ի ս ր ա յ ե լ յ ա ն, Հայաստանի բրոնզե գոտիների քրոնոլոգիական տեսարանները, «Историко-филологический журнал», 1966, № 2, стр. 239.

³ Так как шлемы на головах всех лучников зубчатые и резко отличаются от всех известных нам шлемов по форме, можно предположить, что это локальные шлемы местных служителей культа.

⁴ См. Զ. Զ. Մ ն ա ց ա կ ա ն յ ա ն, Դամբարանների պեղումները Գոլգոթին առաջում. Հայաստանի պետական պատմական թանգարանի «Աշխատություններ», т. V, рис. 23. А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, рис. 46.

⁵ См. Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 89, рис. 94.

«бегущей спирали», которая, как и вписанный в круг крест, подчеркивает непрерывность движения солнца по небесному кругу⁶. Кроме этого общего признака, встречающегося на многих поясах, имеющих зачастую другое значение, на нашем поясе центральным знаком, делящим композицию на две части, является крест, образованный из полулуний и имеющий большое сходство, если не абсолютную тождественность, с крестом на поясе из Мусиери⁷. Как известно, крест и свастика являются одним из распространенных символов солнца. Например, изображение креста имеется на груди египетского жреца бога солнца Амона⁸, а также на груди бронзовой статуэтки урартской богини Арубани—супруги верховного бога урартского пантеона—бога неба Халди⁹.

Символика солнца и значение креста хорошо изучены Дешелетом и А. А. Миллером, указывающими, что распространенной и простейшей формой небесного знака является круг с вписанным крестом или свастикой¹⁰. Подобного мнения придерживается также Б. Б. Пиотровский, который, анализируя изображение на бронзовом поясе из Калакента, пишет: «В средней части пояса помещены фигуры бегущих хищников и козлов, причем над хищниками изображена свастика, символизирующая солнце—верхнее небо, а над козлами змея, то есть вода—нижнее небо»¹¹. Эти знаки, а также спираль, звезды и много других можно считать за изображение солнца с тем большей вероятностью, что из Джемдет-Насра известен сосуд с изображенной на нем звездой—шумерийской идеограм-

мой, служившей для обозначения божества¹².

Нужно сказать, что на колесницах описанного пояса стоят жрицы или богини, которые, кроме щита с изображенным на нем крестом, имеют и другой атрибут—птицу, также являющуюся символом неба, солнца. Сами колесницы—тоже символ солнца. Подтверждением этого служит находка на острове Зееланд (1902 г.) в виде диска и фигуры коня, изображенных на пластине. Конь был непосредственно связан с диском и при помощи такой запряжки должен был катать солнечный круг¹³. В этнографических материалах ряда стран солнце выступает именно в виде колесницы, запряженной конями и движущейся по небосводу. Сам конь, отдельно взятый, наряду с прочими атрибутами, имеет роль солнца, что находит подтверждение в памятниках многих стран мира¹⁴. И у нас в армянском героическом эпосе конь Куркик-Джалали, будучи морским творением, обладает чудесной способностью взлетать на небо, к солнцу. В связи с этим нужно сказать, что под мордами изображенных на поясе коней подвешаны кормушки, имеющие форму полулуний или секир, также являющихся астральными знаками.

Таким образом, все изображения на рассматриваемом поясе содержат охотничью сцену и одновременно носят ритуальный характер, связанный с культом плодородия и солнца. Если наша трактовка окажется правильной, то она лишней раз докажет связь плодородия и рождества с культом солнца.

Для определения времени погребения, кроме самого пояса, имеющего, как указано выше, близкие апологии с поясами VIII—VI вв. до н. э., важное значение имеет инвентарь погребения.

Эти материалы находят свои аналогии также в хорошо датированных памятниках Армении. Так, керамический инвентарь хорошо связывается с погребальными комплексами могильников Кировакана, Редкин-лагеря, Дилижана и других. Металлические изделия вместе с тем связываются с

⁶ См. Б. А. Рыбаков, Космогония и мифология земледельцев энеолита. «Советская археология», 1965, № 1, стр. 42.

⁷ См. J. de Morgаn, Mission scientifique au Caucase, t. I, 1889, рис. 172.

⁸ См. А. А. Нейхард, Происхождение креста, М., 1950, стр. 5.

⁹ См. Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, Л., 1962, стр. 82.

¹⁰ См. А. А. Миллер, Элементы неба на вещественных памятниках. Известия ГАНМК-100, М.—Л., 1933, стр. 134.

¹¹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 93.

¹⁵ Зибель, № 1

¹² См. Г. Чанлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 209.

¹³ См. А. А. Миллер, ук. соч., стр. 130.

¹⁴ См. там же, стр. 149.

комплексами Мухана, Астхадзора, Лениканана и другими, датируемыми временем IX—VIII вв. до н. э.¹⁵ Особенно убедительной делает эту датировку находка вы-

шеуказанного железного кинжала севанского типа с характерной бронзовой обоймой, появление которых относится к IX в. до н. э. Все сказанное позволяет датировать этот памятник временем IX—VIII вв. до н. э.

¹⁵ См. А. А. Мартirosян, ук. соч., стр. 222 и сл.

С. ЕСЛЯН